

В школьные годы любимым занятием маленького Коли было изучение географических карт. Родители завесили ими все свободные места на стенах однокомнатной квартиры, и мальчик мог часами внимательно изучать диковинные земли и страны или бесконечные просторы родины.

В прихожей была прочно прикреплена огромная — от пола до потолка — политическая карта земного шара. Напротив — чуть поменьше — карта СССР. Европейская часть страны помещалась в комнате. Там же болталась с полуотгорванным углом карта Подмосковья. А над Колиной кроватью обрела место подробная схема Москвы.

Этот план города мальчик любил более всего, и вскоре он знал улицы и районы столицы, как свои пять пальцев, хотя родители предпочитали никуда не отпускать его одного. Особое внимание привлекали непонятные сооружения, наподобие окружной железной дороги. Никто не мог объяснить, для чего она вообще существует. По ней не ходили пассажирские поезда, и лишь изредка громыхали товарные составы, запряжённые чадящими локомотивами. Заброшенные станции манили странными названиями вроде запрятанной в глуши Лосинога острова платформы Белокаменной. Рядом не было ни жилья, ни серых пятен промышленных предприятий и складов. Зачем она возникла в чаще леса, задавал себе вопрос любопытный подросток, но не находил ответа. И каждый раз все сильнее росло желание добраться до этого таинственного места.

Естественно, этому желанию, как многому другому в жизни, не суждено было осуществиться. Николай вырос, женился, вырастил двух дочек, похоронил сначала бабушку, потом родителей, а потом и жену, и начисто забыл о станции с таинственным названием. И лишь иногда ему снилась комната его детства с красно-оранжевыми обоями, вся заставленная мебелью, отгороженный гардеробом закуток, слева от двери, где стояли его кровать и оттоманка бабушки, старая настольная лампа с оранжевым матерчатым абажуром и план Москвы на стене.

Ночью эта картина в очередной раз встала перед глазами как живая. И первой мыслью Николая, проснувшись, было, что он опять маленький ребёнок, что бабушка и родители живы и просто чем-то заняты на кухне, и что вся прошедшая взрослая жизнь не что иное, как дурной сон.

— Бывает же такое, — подумал он и осторожно ощупал ногой холодный пол. Топить ещё не начали, хотя ночи в конце сентября были откровенно нежаркими. Солнце только вставало, и на оконных стёклах снаружи серебрились и адели капли росы. Невольно вспомнился Пастернак: *Мне снилась осень в полусвете стёкол...*

Николай сел за работу. Потом, когда немного устал, пошёл завтракать. Красный чайник пронзительно засвистел, как скорый поезд перед дальней дорогой. Однако спешить было некуда. Николай приготовил любимое блюдо одиноких мужчин — яичницу-глазунью с жареной колбасой. Он не спеша поливал её кетчупом, запивал растворимым кофе с молоком, а Козин своим бесподобным лирическим тенором напевал: *Осень, прозрачное утро, небо как будто в тумане...*

Как память о родителях Николай оставил трехпрограммный радиоприёмник. Телевизор на кухню, несмотря на давление детей, он упорно не хотел покупать. Слишком раздражало это устройство, да и засмотревшись во время готовки, к примеру, новостями вполне можно было случайно рубануть себе ножом по пальцу.

О наступающем дне напоминал список дел, прикрепленный магнитом к холодильнику. Впрочем, Николай знал его наизусть и не хотел даже думать о грядущих заботах. Впереди была суббота, и не хотелось никуда торопиться.

Резкий телефонный звонок разорвал благостную тишину. Так в детективных фильмах героини неожиданно узнают о совершенном преступлении. Но это был всего лишь приятель Игорь, фотограф-любитель, напомнивший о сегодняшней фотосессии, на которую Николай обещал приехать сам и захватить свою приятельницу.

Николай досадливо поморщился. Он естественно забыл позвонить вчера Ире, и вообще ему менее всего хотелось выходить из дома. Но обещание надо было выполнять.

Ира ещё спала и согласилась ехать куда угодно только за бутылку коньяка. Николай назвал свою подругу вымогательницей, но принял её условия.

Собственно, эта поездка была нужна только Игорю. Он неожиданно захотел участвовать в фотоконкурсе «Осень любви». Для съёмки требовалась пара старше пятидесяти лет, и само собой он остановился на Ирине и Николае. Впрочем, юбилей Иры должен был ещё наступить в конце года, зато Николай уже несколько лет как перешагнул полувековой рубеж.

Встречу назначили на Автозаводской. Так было удобнее Игорю и Ирине. А Николай, приехав заранее, ожидая спутников, несколько раз выругал себя за привычку подстраиваться под всех и со всеми соглашаться.

Ира, как всегда ухоженная и элегантная, появилась первой. Белые полусапожки, светло-голубые джинсы и в цвет им короткое демисезонное пальто, шёлковый палантин, повязанный как шарф, делали её похожей на совсем молоденькую девушку. Женщина не пользовалась косметикой и, как ни странно, это придавало ей особое обаяние. Дочери Николая никогда не давали ей больше сорока и всерьёз опасались, что у них может ещё появиться братик или сестричка, конкурент на наследство. Последнее время они всё чаще обсуждали, кому достанется квартира отца, и не пора ли ему бросить работу и сидеть с внуками. Эти разговоры ужасно раздражали его, и из вредности он истинный возраст своей подруги детям никогда не сообщал.

Боже, какая же она красивая, невольно подумал Николай.

Ира чмокнула приятеля в щеку, немного потёрлась лицом о его грудь, а потом достала из сумки симпатичный шарфик и повязала его Николаю на шею.

— Совсем другой вид, с ним ты такой фотогеничный, — удовлетворённо отметила она и направилась в крохотный подвальный магазинчик.

— Я в счёт твоего долга купила, — сказала Ира, запихивая в объёмистую сумку бутылку коньяка. На почве постоянного безденежья она недавно одолжила у Николая несколько тысяч, и теперь он в очередной раз осознал, что денег ему не видать.

— Как ты только его нашла, — Николай имел в виду магазин. — Я и внимания не обратил.

— Элементарно, Ватсон, — это любимое выражение Иры, в зависимости от настроения то веселило Николая, то ужасно раздражало.

Игорь без лишних слов повёл всю компанию на станцию недавно открывшейся кольцевой железной дороги. У Николая возникло ощущение, что все пассажиры поезда — туристы: они толпой стояли в проходе и непрерывно что-то обсуждали и фотографировали, хотя снимать было особенно нечего — все виды закрывал высокий забор, тянувшийся вдоль путей.

Ира села у окна. Она радостно улыбалась солнечному дню и время от времени отхлёбывала коньяк из бутылочки, запивая его апельсиновым соком.

На платформе, где они вышли, не было ни души. Николай с удивлением прочитал на вывеске: станция Белокаменная. Совершенно неожиданно детская мечта сбылась, но это не вызвало никаких эмоций, даже любопытства.

— Не будем терять драгоценного времени, — Игорь посадил парочку на скамейку лицом к солнцу и начал фотографировать. Ира хорошо понимала, что от неё требуется. Она то нежно прижималась лицом к щеке Николая, то роняла голову ему на грудь, то просто ложилась ему на колени и делала вид, что засыпает в любовной истоме. Лицо её, чуть порозовевшее от выпитого, выражала такую гамму чувств, что оставалось только удивляться.

Возле станции рядом с полуразрушенными домиками, разрисованными цветастыми граффити, тоже никого не было. Игорь усадил парочку на скамейку и снова продолжил снимать, стараясь захватить в нужном ракурсе то фрагмент стены, то отдалённый, ещё зелёный, но уже украшенный жёлтыми и оранжевыми мазками лес.

Николай понял, почему Ира так тепло оделась. День был солнечным, но осенний холодок понемногу пробирался и под его модную куртку-бомбер, кулленную по настоянию дочерей. Николай перехватил бутылку коньяка и для согрева тоже отхлебнул пару раз. Ира легонько шлёпнула его по руке и капризно сказала:

— Не пей много. Мне не хватит.

Сентябрьский лес и свежий воздух манили прогуляться. Но это не удалось. Ирина не рассчитала сил, и её окончательно развезло. Николай с приятелем с трудом тащили её, закинув руки на плечи, а она весело пела:

*По долинам и по взгорьям
Шли дивизии вперёд...*

Николай с Игорем хотели оставить Иру у подъезда, но увидев, что она собирается прилечь прямо на асфальте, снова подхватили её под руки и втащили в квартиру, благо, что всего на второй этаж.

Игорь тотчас же убежал готовить фотографии для выставки. Николай подхватил подругу, снял с неё пальто и с трудом уложил на кровать.

Дома Ира быстро пришла в себя. Она с наслаждением скинула бежевый джемпер, стянула джинсы и осталась в розовой маечке и таких же трусиках. Подобное бельё когда-то носили совсем юные девушки, мнившие себя опытными обольстительницами.

Женщина сняла носки и внимательно осмотрела ухоженные ступни:

— У меня ноги стали отекают. Видимо что-то с сердцем.

— Пей меньше, тогда и сердце не будет беспокоить, — с раздражением подумал Николай.

Он присел на кровать и легонько погладил ноги Иры. «Мур-мур-мур» послышалось в ответ. Женщина, казалось, задремала, но когда Николай обнял её за плечи

и попытался поцеловать, она не сильно, но больно ударила его со словами: «Отстань, уходи, я спать хочу!» Другого Николай не ожидал.

Он громко хлопнул входной дверью, а красивый шарфик оставил на столике в прихожей.

Николай был давно знаком с Ирой. Настолько давно, что иной раз казалось, что они женаты много лет и даже успели немного надоесть друг другу. Дружья и родные считали их любовниками, однако никаких близких отношений между ними не было. Ира начисто отметала все поползновения друга, объясняя, что у неё климакс и все мужчины ей стали безразличны. Но это было сущей неправдой. Просто Ира любила молоденьких, последний её любовник, о котором знал Николай, был ровесником её сыну. А Николай, как ни мечтал, не мог стать юношей.

Однажды, когда её приятель был особенно настойчив, она в сердцах раздражённо обронила:

— Не могу я любить стариков!

Хотя сама была всего на несколько лет моложе Николая.

* * *

К вечеру погода испортилась. Налетели серые облака, пошёл дождь. День был погублен безвозвратно.

Выходя из метро, Николай вспомнил, что дома нет ужина. Готовить не хотелось, и он решил зайти в Макдональдс.

У входа две барышни, совсем молоденькие и прилично одетые, попросили денег. Николай предложил купить им еды — он всегда боялся в подобных случаях, что деньги уйдут не по делу. Барышни с радостью согласились, набрали полные поддоны и с набитыми ртами выложили свою историю.

Они приехали «на собаках», то есть без билетов на пригородных поездах, из Саратова. Думали сделать сюрприз друзьям, а те, никого не предупредив, уехали отдыхать («В Крым на бархатный сезон», почему-то подумал Николай). Возвращаться сразу же домой не было желания. И девушки жили на птичьем положении уже несколько дней, ночуя то на вокзале, то у случайных знакомых, питаясь, чем Бог послал, в надежде, что друзья скоро вернутся или дадут о себе знать.

Барышни и своего нового знакомого спросили, нельзя ли у него переночевать. Николай чуть было не кивнул в знак согласия, но потом ему представился беспорядок, мокрое бельё в ванной, и он отказался.

Однако на прощание всё-таки подарил девочкам немного денег — так ему стало их жалко. На лестничной площадке возле квартиры встретилась соседка. Она сделала вид, как будто случайно вышла, но по всему было видно, что давно поджидала Николая.

Женщина попросила поменять лампочку и пригласила поужинать вместе. В комнате, где в люстре темнел один плафон, на столе уже стояло два прибора, вокруг запотевшей бутылки водки теснились салатники, а от блюда, прикрытого керамическим клошем, доносился такой аромат, что оставалось только судорожно облизываться. Лампочку Николай сменил, но от ужина отказался, сославшись на срочную работу. Он всегда ссылался на занятость, когда соседка приглашала его к себе.

На самом деле соседка, ровесница Николая, откровенно ему не нравилась. Слишком резкие черты лица, глубокие морщины, такие же резкие движения, мимика, речь отпугивали его. Все менее и менее заметными становились женские черты, а мужские наоборот начинали доминировать, и всё сильнее старость вступала в свои права.

Соседка это, кажется, понимала, но тем не менее не оставляла своих попыток. Был в этом уже какой-то спортивный интерес. Так опытный рыбак приходит на одно и то же место, чтобы в тихой заводи поймать огромную рыбу, прикармливает её, но вытаскивать не спешит. Он хорошо знает, что из-за одного неверного движения все труды могут пойти насмарку.

Николаю нравилось сравнение с рыбной ловлей, но иногда представлялось, что соседка в подмогу возьмёт острогу или багор, а то просто ударит плашмя веслом, и ему немного становилось не по себе.

Николай включил компьютер и углубился в текст. Минуту-другую смотрел на мерцающий экран, пытаясь вспомнить, на чём он остановился. Пошуршал пачкой ксерокопий и выписок из книг — Ира, работавшая в большой научной библиотеке, охотно снабжала Николая нужными материалами и вообще всячески пыталась облегчить его труд. Не признавая его как мужчину, она при этом считала своего приятеля непризнанным гением, и тот особо не сопротивлялся, когда среди новых знакомых Ира представляла его как выдающегося учёного.

Как многие мужчины, не служившие в армии, Николай с юности увлёкся военной историей и сделал её предметом своих научных изысканий. Статьи в журналах, сборниках, ежегодниках составили ему некоторое имя среди специалистов.

В последнее время, после долгих сомнений и раздумий, он замахнулся на книгу с претенциозным названием «Забытые войны России». Идею положительно оценили коллеги, удалось даже найти издательство. Но следовало торопиться, и Николай старался каждый день вымучить хоть листок-другой. Сейчас он как раз дошёл до войн второй коалиции против Наполеона и писал о русском десанте в Голландию в августе 1799 года.

Под его пером русские войска атаковали голландский город Берзен, но не подержанные союзниками-англичанами после ожесточённой контратаки отступили, понеся большие потери. Осенние дожди подняли уровень воды в каналах, превратили низменности в труднопроходимые топи, заливали войска без палаток и шалашей... А на бумаге всё получалось красиво, даже живописно. Для Николая война была чем-то вроде игры в солдатики, с картинными пейзажами, аккуратными фигурками, без крови и страданий. Как и большинство мужчин, он до старости оставался в какой-то мере ребёнком, не способным расстаться с любимой забавой.

Делая чисто механически выписки из капитального труда фельдмаршала Милютина об этой кампании, Николай вдруг осознал, как ему грустно и одиноко. За всю жизнь он привык к тому, что вокруг всегда были люди. Родители, бабушка, потом жена, дети. В квартире не умолкали весёлые голоса и смех. Теперь ничего этого не осталось. Тишину нарушали только какие-то звуки с улицы, щёлканье клавиатуры и жужжание вентилятора компьютера.

— Кому эта книга нужна, — грустно подумал он. — Десятку-другому таких же идиотов, как я, для которых война игрушка.

Теперь он пожалел, что не пригласил встреченных девушек к себе домой. Но печатать не перестал. Собственно, и к Ире он тоже тяготел в первую очередь от одиночества. Неприязнь, нахлынувшая на него днём, давно улетучилась, хотя обида осталась. На самом деле, он более всего боялся, что однажды Ира уступит его приставаниям, а он окажется ни на что не способным. Жена умерла двенадцать лет назад, и все эти годы никакой личной жизни не было.

Устав от работы, Николай пошёл на кухню приготовить кофе. Зазвонил телефон. Ира, весёлая и ласковая, как ни в чем не бывало, сообщила, что она хорошо выспалась, что ей скучно и она хочет поговорить.

Такие ночные разговоры у них были нередкими. Ира страдала бессонницей и могла позвонить в самую глухую ночь, чтобы поболтать о литературе, о кино, просто о событиях в жизни. Но сегодня Николай изо всех сил хотел показать, как его обидели, и не был расположен к разговорам.

- Ты шарфик забыл у меня, — ласково сказала Ира.
- Я помню, — сухо ответил Николай и повесил трубку.

* * *

Через пару дней Николай повёз заявку на издание своей книги в один из гуманитарных фондов, хотя особо не верил в успех своего предприятия.

Обратно он решил вернуться по кольцевой железной дороге, хотя на метро было много ближе и быстрее. На безлюдной станции Белокаменная, сам не зная зачем, он вышел и долго сидел на скамейке, вспоминая счастливые мгновения субботнего дня. Погода окончательно испортилась. Сильный ветер грохотал какими-то вывесками и швырял в лицо пригоршни дождя. Николай понял, что окончательно прошло и лето, и молодость, да и жизнь скоро подойдёт к концу. Он сидел, наверное, очень долго, потому что молоденькая дежурная по станции подошла и спросила:

- Дедушка, Вам не плохо?

Когда Николай вышел из метро, ливень, как водится, припустил с особой силой. У Макдональдса он опять встретил знакомых барышень. Те находились как воробушки, спрятавшись под одним зонтиком, и видимо снова высматривали, у кого можно стрельнуть денег на ужин.

Узнав, что девочки так и не нашли жилья, Николай широким жестом пригласил их к себе. Их реакция просто потрясла. Он давно не видел таких счастливых людей. Прижимая к себе бумажные пакеты с купленной на деньги Николая в забегаловке едой и двумя бутылками сухого вина, барышни весело пританцовывали под дождём, и даже ненастная погода не могла испортить им настроение.

На лестничной площадке возле квартиры как обычно встретилась соседка. Она опять сделала вид, что случайно вышла, хотя на самом деле давно поджидала Николая.

Девочки мгновенно разгадали её нехитрую тактику.

- Это что, последняя любовь, — со смехом спросили они, переглянувшись и хихикнули: — Не влезай, убьёт.

Соседка поглядела на них с ненавистью, но от неожиданности не нашлась, чем ответить.

Николай жил один. Дочери вышли замуж и переехали к мужьям. После этого они заставили отца сделать ремонт. Николай переставил мебель, кое-что выкинул, поклеил дорогие светло-бежевые обои, и квартира приобрела вполне комфортный вид. Зауток в комнате слева от двери, отгороженный гардеробом, он всё-таки оставил. Правда, старую кровать и оттоманку заменил новенький диванчик. Это было спальное место для дочерей, когда они оставались ночевать.

Через пару минут квартира наполнилась радостью и весельем. В комнате разорвался телевизор, молодёжный канал радовал какими-то новыми хитами. В диссонанс ему звучал музыкальный центр на кухне, также купленный непонятно зачем детьми и обычно пылившийся в забытьи. Весело пыхтел и свистел чайник. Что-то скворчало в сковородке на плите. Кувыркалось бельё в стиральной машине. В ванной шумела вода, блаженные крики девушек хорошо слышались даже через закрытую дверь.

Одна из барышень, розовая и распаренная, завёрнутая в полотенце — ими пришлось поделиться Николаю — выскочила из ванной и весело станцевала что-то типа

кверка, выделявая рискованные па. В результате полотенце развернулось и упало. Девушка не особо взволновалась, вильнула бёдрами со словами: «Какая я всё-таки красивая» и завернулась снова. Николай её совсем не смутил. Он понял, что не вызывает у женского пола ни желаний, ни угрозы, как добрый дедушка из сказки или новогодний дед-мороз. И ему опять стало грустно.

Когда веселье стало особенно бурным, кто-то начал долго и методично стучать по батарее водяного отопления. Девушки сразу же стушевались и затихли.

На ночь Николай уступил барышням кровать, а сам лёг на маленьком диванчике в закутке. Девушки долго не могли успокоиться, о чём-то говорили, смеялись, возились, потом послышались звуки поцелуев и какие-то совсем неприличные шумы. Но Николай уже не слышал ничего, он как в детстве провалился в глубокий колодец крепкого сна.

* * *

Последующие несколько дней утратили всякую упорядоченность. Пропала привычка посидеть с утра в туалете или поспать пару часов после обеда. Даже книгу теперь приходилось писать урывками.

Девочки вставали рано и убегали по своим неведомым маршрутам. Музеи, о существовании которых Николай и не подозревал, памятники, заполонившие первопрестольную как грибы, клубы, центры современного искусства — все они имели в глазах девочек наивысшую ценность и требовали самого пристального внимания.

В этих интересных местах попадались такие же интересные люди. Однажды барышни привели целую группу фолк-рока. Правда, спросив предварительно разрешение у Николая. Вежливые молодые люди откуда-то из Сибири были ещё голоднее барышень, много и нудно рассказывали про фолк-ривайвл и мерсибит, а потом в благодарность исполнили что-то своё, заунывное и громкое, так что им в унисон по трубам лупила, по крайней мере, половина подъезда. Ребята даже успели поспать прямо на полу в комнате, и у Николая не поднялась рука выгнать их на улицу глубокой ночью.

Николай долгие годы жил в переполненной квартире, полной детского смеха и стариковского ворчания, поэтому шумные гости его не раздражали. Но в какой-то мере он завидовал девочкам. Лучшие годы жизни он потратил на работу с девяти утра до шести вечера, на учёбу по вечерам в институте, а потом в аспирантуре, десять лет подряд. А эти барышни не думали ни об учёбе, ни о работе, и занимались, только тем, что им нравилось. Они обе были студентками, одна, правда, в академическом отпуске, а другая просто прогульщица, кандидат на исключение

Впрочем, весёлые деньки скоро должны были закончиться. Друзья, наконец, отыскались — они действительно поехали в Крым на бархатный сезон — и должны были вернуться со дня на день. Пару раз ночью звонила Ирина. Хотела поговорить. И всякий раз Николай вежливо, но твёрдо отвечал, что у него в гостях две молоденькие девушки и что он занят.

Тем неожиданнее оказался вечерний звонок с мобильного. Ира радостно сообщила, что едет на такси в гости и выключила трубку.

Николай немного испугался. Он хорошо понимал, что Ира не оставит без внимания пренебрежение к себе и ответит вежливо, но жёстко. Оставалось только гадать, что она делает.

Николай вспомнил, что когда от Айседоры Дункан в Берлине сбежал Сергей Есенин, она хлыстом перебила посуду в пансионате, где от неё прятался муж,

выпорола поэта и этим же хлыстом погнала его домой. И как не абсурдна была эта картина, Николай очень живо её представил, и с каждой минутой ему становилось страшнее.

Ещё его смущало, что Ирины тапочки он отдал поносить одной из барышень. И было неизвестно, как отнесётся к этому хозяйка.

Николай встретил Иру на лестничной площадке возле лифта. Первым делом, она с улыбкой повисла на его шее в долгом поцелуе. Причина заключалась не в любви, а в соседке, которая как обычно вышла из квартиры. Николай пытался вырваться, но быстро понял безнадежность своих попыток. С соседкой Ира вежливо поздоровалась, спросила о самочувствии и тут же порекомендовала долго не стоять на сквозняке. В её возрасте, подчеркнула Ира, это может кончиться печально. Женщина от возмущения только судорожно открыла рот.

Ирина пришла без хлыста, зато с большим пакетом, который она повесила на вешалке в прихожей. Первым делом она достала шарфик Николая и вручила ему со словами: «Больше не забывай». Потом извлекла из пакета туфли-лодочки и переобулась. Взглянув на одну из барышень в своих тапочках, небрежно бросила:

— Обувка не жмёт.

Под чёрным плащом оказалось такое же чёрное мини-платье с ярким цветочным принтом. И чёрные колготки. Выглядела она просто великолепно, барышни на её фоне сразу же ступевались и напоминали провинившихся школьниц.

На кухне что-то булькало в большой кастрюле. Девушки были сторонницами здорового питания и сегодня приготовили овощное рагу, хотя при случае не брезгали и фаст-фудом.

Ирина сняла крышку кастрюли, внимательно принялась, потом одобрительно кивнула:

— Есть можно. Не отравитесь.

Стол на кухне она покрыла белоснежной — правда синтетической — скатертью, Николай давно забыл о её существовании. В розовом фартуке, также извлечённом из пакета, Ирина сервировала все необходимое для ужина: тарелки, вилки, ножи, стаканы для воды и два бокала для коньяка. И Николай в который раз отметил, какие у неё красивые руки. Когда барышни решили поставить ещё два бокала для спиртного, строго произнесла:

— Детям не полагается.

За столом все сидели тихо, только Ира время от времени делала резкие замечания, если кто допускал нарушения этикета, к примеру, ставил локти на стол. Пила Ира в этот раз удивительно мало и всё пыталась завести беседу о метафизике — она когда-то окончила философский факультет и даже писала диссертацию по логике Валентина Асмуса. Но разговор явно не клеился. Ира спросила девушек, читали ли они Степуна или Шпета, и получив отрицательный ответ, перевела разговор на философию классическую. Но и тут барышни знаниями не блеснули. А на вопрос о категорическом императиве наивно спросили:

— А что это такое?

— Простите, девушки, может быть, вы и Канта не читали? — с деланным удивлением спросила Ира.

— Не читали, — чуть слышно ответили они.

Николай чуть не подавился от смеха. Больно этот разговор напоминал ему диалог Ивана Бездомного и Мастера из незабвенного романа Булгакова.

После ужина Ира снова что-то ещё вытащила из пакета, и из ванной вышла в очаровательном голубом костюмчике для сна.

— Пора спать, девочки, — сказала она и согнала барышень с большой кровати со словами: — Николай Дмитриевич устал. Ему надо лечь. А вам и на том диване места хватит.

А Николаю ласково прошептала:

— Иди в постель, милый. Только пижаму одень.

Пижаму тоже когда-то подарила ему Ира. Она так и лежала нераспечатанная в гардеробе. По дому Николай обычно ходил в майке-футболке и спортивных брюках с пузырями на коленях, в этой же майке он нередко и ложился спать.

Пижамы была извлечена из забвения и оказалась как раз впору. Свежее постельное бельё приятно охладило тело. Ира играючи подкатилась под бок Николаю — одеяло было одно на двоих — и промурчала:

— Ты, миленький, кажется, что-то от меня хотел.

У Николая от неожиданности даже похолодело в животе. Он бережно обнял Иру за плечи и совсем легко коснулся губами её щеки. Ира засмеялась и стала изо всех сил осыпать приятеля поцелуями. И тут Николай понял, как он ужасно устал за день и желает спать. А шептание и смех за гардеробом — девушки ещё не утомонились — ужасно отвлекали. Хотелось только одного — провалиться в объятия морфея. А на большее — Николай явственно понимал — он не был способен.

Ира тоже поняла это.

— Ты милый переработал, — она перестала целоваться. — Давай лучше спать.

Из-за гардероба донёсся сдавленный девичий смех.

* * *

Утром Николай долго не хотел вставать. Было невыносимо стыдно за свою никчёмность и перед Ириной и перед барышнями, которые наверняка догадались о его позоре.

Ира тем временем переоделась в другое длинное платье:

— А то читатели целый день будут на коленки пялиться.

Как ни в чем не бывало, она обняла и поцеловала своего приятеля, пожелала ему доброго дня, собрала все свои вещи обратно в пакет со словами:

— Захвати ко мне, когда в гости соберёшься. А я на работу убегаю.

И хлопнула дверь.

Барышни приготовили завтрак и тоже ушли по своим делам.

Николай засел за компьютер. Уши горели от позора, но работа шла необыкновенно спорно. Он закончил главу о несчастном голландском десанте, эвакуированном на острова Джерси и Гернси, где гвардейские офицеры оставили неизгладимое впечатление у местных барышень умением танцевать и светским обхождением.

— Они небось с местными барышнями так не сплеховали, — грустно подумал Николай.

Потом перешёл к такой же несчастной судьбе корпуса генерала Римского-Корсакова в Швейцарии. К вечеру очередная глава была готова.

Барышни вернулись очень поздно. Николай уже поужинал и лёг спать. Свою кровать он снова уступил девушкам. Те обрадовали его, сказав, что через пару дней переедут к друзьям, и долго благодарили за гостеприимство.

Ночью Николай проснулся от тихого разговора девушек. Они обсуждали, как лучше отблагодарить хозяина за радушие. Решили, что они могут подарить ему любовь, а заодно и показать его подруге, как надо правильно улаживать мужчину. «Да он вроде сам уже не может», раздался сдержанный смех. «Ничего, от французской любви даже

импотенты не отказывались», хихикнула другая девушка. Потом долго решали, кому из них двоих взять на себя почётную миссию. В итоге решили перенести это мероприятие на следующую ночь.

Однако всё пошло не по плану. Вечером другого дня позвонила Ира — у неё плохо с сердцем и она умирает. Такие звонки случались время от времени, когда ей хотелось привлечь к себе внимание. Но сейчас что-то в её голосе было такое, что заставило Николая поверить в правдивость слов. Он сорвался так неожиданно, что даже забыл захватить пакет с её вещами.

Ира, протрезвевшая, сидела на кровати, схватившись рукой за левый бок. Лицо посерело, покрылось холодным потом. Нечёсаные волосы космами падали на плечи. Она, казалось, сразу же постарела лет на десять.

Николай нежно поцеловал любимую в голову. Та шмыгнула носом и заплакала. Он осторожно уложил женщину на спину в кровать, положил под голову, чтобы было повыше, пару подушек и вызвал скорую. Медики приехали быстро, Николай только успел убрать пустые бутылки в мусорное ведро и ополоснуть рюмку.

Врач внимательно выслушал сердце, сделал электрокардиограмму, затем сестра вколола несколько каких-то ампул. Инфаркта, к счастью, не было. Но сердечный приступ оказался достаточно сильным. Врач посмотрел на бутылки в мусорном ведре, принюхался и с осуждением покачал головой.

— Я алкоголичка. Мне положено, — слабо протестовала Ира.

Ехать в больницу она отказалась. Врач рекомендовал постельный режим и советовал получить больничный в поликлинике.

Когда медики ушли, Николай присел на кровать и стал легонько гладить ноги Иры. «Мур-мур-мур, умирает твоя кошечка», — услышал он её плач. Николай обнял Иру за плечи: «Ты не умрёшь, я тебя выгашу из любого ада преисподнего». Ему хотелось хоть словами помочь любимой женщине.

— Давай я сыну позвоню, — предложил он.

— Не надо. Я уже позвонила. Знаешь, он мне сказал только: меньше пей, мама, и повесил трубку. Он всё свободное время режет в свои стрелялки, бродилки, как их ещё назвать. Я ему не нужна.

Ира сжала руку приятеля и заплакала ещё сильнее:

— Я такая старая и страшная. И умираю как старуха. Жизнь прошла. Я так хотела дочку, с такими же светлыми волосами, как у меня. И не родила.

— Зато у тебя будут внуки с твоими волосами. И ты будешь их любить.

— Я никому не нужна. Ни сыну, ни подругам, никому. Только тебе. А к тебе я была так несправедлива.

Ира долго плакала. Потом лекарство начало действовать. Она постепенно успокоилась, лицо порозовело, и женщина уснула, так и не выпустив руки Николая.

Утром Ира заявила, что чувствует себя прекрасно. словно не было ни бессонной ночи, ни скорой помощи, ни острой боли в сердце. Она наотрез отказалась идти в поликлинику, а вместо этого предложила подышать свежим воздухом.

На станции Белокаменной, как и в прошлый раз, не было ни души. Лес за эти дни ещё более пожелтел и покраснел. И снова ясный и солнечный день напоминал о недавно прошедшем лете. Они долго ходили, взявшись за руки, забрели куда-то в глушь, наконец, устали и сели отдохнуть на ствол поваленного дерева. Николай посадил Иру на колени, уткнулся лицом ей в шею. Она не сопротивлялась, как обычно, не обзывала его стариком, а наоборот всем телом прижималась к нему и ласково говорила всякие глупости. А потом они долго и исступлённо целовались. «Совсем как школьники», подумал Николай.

Он понял, что именно это — блеск солнца, тёплый ветерок, разноцветные листья и ощущение любимой женщины — требовалось ему. И больше ничего.

— Какое счастье, — неожиданно сказала Ирина. — Поедем к тебе домой.

Там их ждали барышни, удивлённые и напуганные отсутствием хозяина. Николай вспомнил, что забыл их предупредить.

— У нас вам подарок, — сказала одна из них. Николай мысленно возвратился к ночному разговору и густо покраснел.

Но барышня протянула ему снежно-белого котёнка, который ласково мурлыкал и всё пытался облизать пальцы.

— Сидел у Макдональдса и всё ждал, когда его накормят и заберут домой.

— Какая прелесть, — воскликнула Ира. — Я его возьму себе.

— Вот тебе и девочка со светлыми волосами, — усмехнулся Николай.

Когда барышни ушли, а котёнок, напившись молока, заснул в картонной коробке, выложенной старым шерстяным платком, Ира, переодевшись в свою голубую пижаму и завалившись в кровать, неожиданно сказала:

— Стоит женщине допустить хотя бы незначительный компромисс, и всё может обернуться по-иному.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Николай.

— Любовь бежит от тех, кто гонится за нею, а тем, кто прочь бежит, кидается на шею.

Николаю понял, что это Шекспир, которого он, честно говоря, не любил и никогда не читал, хотя конечно несколько цитат из «Гамлета» знал наизусть...